

На правах рукописи

НАРБУТ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

**ОРИГИНАЛ, ТЕКСТ-ДОНОР, ПЕРЕВОД:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

*(на материале переводов романа Э. М. Ремарка
«Искра жизни» на русский язык)*

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва 2008

**Работа выполнена на кафедре немецкого языка
Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан)**

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Чайковский Роман Романович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кошечкина Инна Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент
Гатилова Алла Константиновна,

Ведущая организация: Иркутский государственный
лингвистический университет

Защита состоится 27 июня 2008 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.155.04 при Московском государственном областном университете по адресу: 105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 5/7.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.

Автореферат разослан “ _____ ” _____ 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Г. Т. Хухуни

Художественный перевод играет важную роль не только в становлении отдельных национальных литератур, вбирающих в себя находки и достижения литератур других народов, но и в осознании единства мировой литературы как свидетельства консолидации человечества, вступившего в третье тысячелетие. Проблемы художественного единства мировой литературы сегодня столь актуальны, что исследователи современного литературного процесса в разных странах все активнее обращаются к разработке вопросов взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения национальных литератур. В процессе исследования многогранных межлитературных связей наряду с другими факторами учитываются сходства и различия исторических условий жизни народов, совокупность их культурных и социальных особенностей, а также степень их открытости различным формам внешнего воздействия и их готовности к восприятию и освоению нового в сфере литературного и языкового творчества.

В развитии каждой национальной литературы, так же как и в творчестве отдельного писателя, чрезвычайно велика роль тех художественных традиций, которые накоплены на протяжении столетий. Эти традиции – важнейший компонент литературного процесса. Вместе с тем очевидно, что характерные черты любой национальной литературы обусловлены не только внутринациональными факторами ее становления, но и особенностями ее внешних связей, поскольку развитие национальной литературы неизбежно включает в себя в той или иной мере и ее обогащение внешними импульсами. Одним из важнейших показателей открытости национальной литературной системы является степень ее участия в мировом переводном процессе. Поэтому среди многих функций перевода как социальной универсалии важное место занимает и его роль диалога между литературами и культурами разных народов. Перевод как диалог литератур возможен только при взаимодействии этих литератур, т. е. при движении идей, тем, форм от одной литературы к другой [Левый: 234].

В связи с этим вполне правомерно встает вопрос о роли и месте переводной литературы в контексте национальных литератур. Поскольку переводная литература фактически не относится ни к одной из национальных литератур, то важной задачей филологической науки является, с одной стороны, определение ее онтологического статуса, с другой – выяснение роли произведений так называемой принимающей литературы и переводных произведений в создании новых переводов с языков исходных литератур на язык целевой литературы. Эти произведения мы предлагаем рассматривать как тексты-доноры, использование материала которых может способствовать достижению более высокого уровня адекватности художественного перевода. Важно, однако, подчеркнуть, что наше толкование текста-донора отличается от того значения, в котором этот термин применяется в эстетике и критике текста (например, в работах Р. Барта, Н. А. Фатеевой и других исследователей, рассматривающих текст-донор прежде всего как источник цитат, аллюзий и т. п.).

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

- недостаточной изученностью статуса переводной литературы в контексте мировой художественной литературы;
- слабой взаимосвязью между историей и типологией мировой литературы и историей и теорией художественного перевода;
- неизученностью категории текста-донора в отечественной истории и теории перевода;
- отсутствием комплексных исследований стилистических и художественных особенностей произведений, посвященных проблеме выживания людей в лагерях (так называемой лагерной литературы);
- значимостью романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» («Der Funke Leben») в художественном отражении трагических страниц истории XX в.;
- отсутствием обобщающих работ о романе Э. М. Ремарка «Искра жизни» как одном из наиболее выдающихся произведений писателя;

– важной ролью понятия текста-донора для дидактики художественного перевода.

Цель исследования состоит в определении онтологической природы категории текста-донора и экземплификации этого понятия на материале четырех переводов романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» на русский язык.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- определение статуса переводной литературы в пространстве между национальными литературами;
- вычленение текста-донора как посреднического звена между оригиналом и переводом;
- изучение в контексте идеи текста-донора стиля романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» и тех лингвостилистических трудностей, которые он представляет для переводчиков;
- проведение с позиций категории текста-донора сопоставительного анализа оригинала романа «Искра жизни» и переводов этого произведения Э. М. Ремарка на русский язык;
- определение степени адекватности конкурирующих переводов оригиналу;
- введение в научный оборот понятия и термина «текст-донор»;
- выявление круга произведений русской лагерной литературы, которые могут быть использованы в качестве потенциальных текстов-доноров при переводе немецкой лагерной литературы.

Материалом исследования послужили роман Э. М. Ремарка «Искра жизни» и четыре его перевода на русский язык, принадлежащих перу К. Ф. Гончарука и В. Неклюдовой, В. П. Котелкина, Р. С. Эйвадаса, М. Л. Рудницкого. Выбор данного произведения писателя обусловлен тем обстоятельством, что «Искра жизни» относится к наименее известным в России романам Э. М. Ремарка, поскольку по идеологическим причинам это произведение всемирно известного прозаика в нашей стране замалчивалось и стало доступно широкому кругу российских читателей лишь в начале 90-х гг. XX в. Между тем роман Э. М. Ремарка «Искра жизни» относится к вершинам творчества немецкого писателя и открывает новые грани его таланта: в нем Ремарк-антифашист обращается к теме концентрационных лагерей в Германии. «Искра жизни» – одно из наиболее значительных произведений немецкой лагерной прозы.

Кроме того, в качестве материала исследования использованы также русскоязычные и немецкоязычные произведения лагерной тематики и переводы немецких лагерных романов на русский язык (книги А. Зегерс, Б. Апица, В. Бределя и др.). Полный перечень использованных и потенциальных текстов-доноров жанра лагерной литературы приведен в Списке использованных и потенциальных текстов-доноров.

Общий объем исследованного материала составляет около 20 тыс. страниц оригиналов и переводов.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, переводоведов и литературоведов: М. М. Бахтина, М. П. Брандес, В. С. Виноградова, Г. Д. Воскобойника, Н. Л. Галеевой, Н. К. Гарбовского, И. А. Кашкина, В. Н. Комиссарова, Л. К. Латышева, Ю. Д. Левина, М. Н. Левченко, Н. Н. Любимова, Ю. Н. Марчука, Л. Л. Нелюбина, И. Г. Неупокоевой, Т. С. Николаевой, М. Н. Новиковой, В. М. Россельса, Е. В. Сидорова, В. О. Станевич, П. М. Топера, А. В. Федорова, М. Б. Храпченко, Г. Т. Хухуни, Р. Р. Чайковского, В. Е. Шора, Е. Г. Эткинда, Р. Якобсона, И. Альбрехта, Э. Генцлера, В. Коллера, К. Лунц, Х. Плаке, М. Снелл-Хорнби, Т. Шнайдера, В. Штернбурга, У. Эко и других.

Целевые установки исследования обусловили выбор **методов исследования**:

- метод типологического анализа литературно-художественных произведений;
- метод сопоставительного лингвостилистического анализа;
- метод компаративного анализа оригинала и перевода;
- матричный метод;
- метод учета лингвостилистических параметров текстов-доноров.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении онтологического статуса переводной литературы, в разработке новой категории переводоведения – категории «текст-донор», в определении потенциала текстов-доноров как вспомогательного материала для переводчика художественной литературы, в обосновании необходимости творческого использования возможностей текстов-доноров в перевыражении подлинника средствами языка перевода.

Практическая значимость работы заключается в использовании материалов диссертации в спецкурсах и спецсеминарах по истории и теории художественного перевода, в курсах сопоставительной стилистики русского и немецкого языков. Важное значение также будет иметь отработка принципов практического использования текстов-доноров в лингводидактическом плане, что позволит более эффективно строить подготовку переводчиков художественной литературы.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- проведено разграничение понятий «исходная литература», «литература языка перевода», «переводная литература»;
- дан исторический очерк развития идеи текста-донора в отечественном переводоведении;
- в научный оборот введена новая переводоведческая категория – «текст-донор»;
- предпринята попытка разграничить понятия «параллельные тексты», «прецедентные тексты» и «тексты-доноры»;
- предложен новый метод анализа и оценки переводных произведений с опорой на языковые параметры текстов-доноров;
- изучена история переводческой рецепции романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» в России;
- проведен сопоставительный лингвостилистический анализ оригинала романа и его четырех переводов на русский язык с позиций концепции текста-донора.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Между исходной литературой, литературой языка перевода и переводной литературой существуют значимые силовые линии, которые оказывают существенное влияние как на сам процесс перевода, так и на результаты процесса перевода.
2. Переводная литература является третьим типом литературы наряду с литературой языка оригинала и литературой языка перевода.
3. В качестве текста-донора можно рассматривать как какой-либо конкретный текст, так и определенную совокупность текстов близкой тематики (гипертекст), которые могут послужить для переводчика источником решения задач, возникающих при работе с соответствующим оригиналом.
4. Текст-донор является промежуточным звеном (на языке перевода или другом языке) между оригиналом и его переводом на язык принимающей литературы.
5. Творческое использование материалов текстов-доноров способствует достижению более высокой степени адекватности перевода. Опора на тексты-доноры позволяет более объективно определять уровень адекватности конкурирующих переводов оригиналу.

Апробация результатов исследования состоялась на международной и всероссийских научных конференциях: «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, 2007), «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2002), «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2003), на ежегодных научных конференциях аспирантов и молодых ученых «Идеи, гипотезы, поиск...» Северо-Восточного государственного университета (Магадан, 2002–2007), на заседаниях кафедры немецкого языка СВГУ (2001–2007), на международном семинаре в Центре Э. М. Ремарка при университете г. Оснабрюк (Германия, 2002). Основные положения работы отражены в 14 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка цитируемых источников, списка использованных и потенциальных текстов-доноров и приложений (I, II, III).

Во *введении* обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются цели и задачи исследования, раскрываются его новизна, теоретическая и практическая значимость, методы исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* излагаются теоретические предпосылки исследования, дается ретроспектива подходов к идее текста-донора, предлагается определение текста-донора как одной из категорий переводоведения и разрабатывается типология текстов-доноров.

Во *второй главе* проводится анализ романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» и имеющихся переводов этого произведения на русский язык, а также рассматриваются пути возможного использования текстов-доноров при переводе произведений лагерной литературы с немецкого языка на русский.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются теоретические выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения рассмотренных в работе проблем.

Библиография насчитывает 265 наименований, в том числе 75 на иностранных языках. В библиографию отдельным разделом включены дополнительно 129 материалов о романе Э. М. Ремарка «Искра жизни», опубликованных в Германии и в других странах в период наиболее активного обсуждения этого произведения (1952–1960 гг.) критиками и филологами (языковедами и литературоведами).

Список источников состоит из двух частей. В первой указаны оригинал и все переводы названного романа, а вторая содержит наименования около 100 произведений на русском и немецком языках, которые могут быть использованы в качестве текстов-доноров при переводе немецкой лагерной литературы на русский язык и русской литературы на лагерную тематику на немецкий язык.

В *приложении* помещены интервью с переводчиками романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» (К. Ф. Гончаруком, В. П. Котелкиным, М. Л. Рудницким и Р. С. Эйвадисом), выборки текстового материала (главы 3–7, 11–15, 19–23 – начало и финальная часть), сопоставительная выборка лагерной лексики из романа Э. М. Ремарка «Искра жизни», четырех его переводов на русский язык и из потенциальных текстов-доноров.

Общий объем диссертации 283 страницы.

Основное содержание работы

Первая глава. Понятие текста-донора как категории переводоведения.

Национальную литературу невозможно рассматривать изолированно от мировой литературы, поскольку развитие последней оказывает влияние на состояние национальной литературы, так или иначе обогащая ее. Результатом этого процесса является взаимопроникновение и одновременное развитие различных художественных направлений, традиций и жанрово-стилистических форм в литературах на разных языках.

Типологическое изучение литературы предполагает раскрытие принципов и начал, которые позволяют говорить об известной литературно-эстетической общности, о принадлежности данного явления к определенному типу или роду [Храпченко, 1970: 256]. Если приложить эту мысль к такому новому явлению в литературе XX в., как лагерная литература, то можно сказать, что в таких странах, как Германия и СССР, она развивалась относительно самостоятельно (ср., например, произведения А. Зегерс, Б. Апица, с одной стороны, и Е. Гинзбург, В. Шаламова – с другой). Данные произведения охватывают разные временные рамки, отражают соответствующие национальные менталитеты, своеобразие государственного строя и т. д., но в них прослеживаются схожие черты: общность содержания, аналогичные приемы литературной техники, доминирование одних и тех же речевых форм, специфические языковые средства, общность жанровых форм.

В. М. Жирмунский отмечал еще один аспект типологии мировой литературы: «Речь идет о сходстве явлений идеологии, обусловленном историческим сходством общественных отношений» [Жирмунский: 15]. Сказанное В. М. Жирмунским можно проиллюстрировать историей лагерной литературы, которая напрямую связана с аспектами исторического пути Германии и Советского Союза. Лагерный быт на

территории Германии был в значительной мере схож с бытом немецких концлагерей на оккупированных немцами территориях других стран и во многом совпадал с бытом советских лагерей от Соловков до Колымы. Схожесть быта в лагерях Германии и СССР определяла и совпадение лексических единиц, обозначающих соответствующие реалии, которые появлялись в языке заключенных. Как следствие, все эти совпадения так или иначе нашли свое отражение в произведениях на лагерную тематику двух национальных литератур. Поэтому можно говорить о взаимодействии и взаимопроникновении двух контактирующих литератур на конкретном фактуальном материале.

Для типологии литературы плодотворным является положение лингвистической типологической теории о внутренних детерминирующих связях внутри систем. В данном случае можно говорить о внутренних связях между литературными системами на разных языках, ибо важен не перечень составляющих систему элементов, а сама система, которая является основой для типологии [Якобсон: 95].

В контексте рассматриваемой проблематики в главе затрагивается вопрос о статусе трех видов литератур – исходной, принимающей и переводной. И. Г. Неупокоева, рассматривая взаимосвязи между литературами, полагает, что участие национальной литературной системы в развитии переводных произведений является одним из важнейших проявлений ее незамкнутости [Неупокоева, 1976: 255]. Однако ряд исследователей придерживается той точки зрения, что художественный перевод является не только «связным между народами и культурами», но и становится фактом принимающей литературы [Новикова, 1990: 73]. Такой подход в оценке художественного перевода не может не порождать противоречий при определении его онтологического статуса. Идея, высказанная в научной литературе о статусе переводной литературы как так называемой третьей литературе, к сожалению, не получила еще серьезного развития [Чайковский, 1997: 9]. Об этом же по сути, говоря о взглядах Гете, писал и известный немецкий переводовед И. Альбрехт. По Альбрехту, мировая литература была для Гете «литературой-посредницей», которая служила связующим звеном между национальными литературами. Именно к ней и относится переводная литература [Albrecht: 170–171]. Нам представляется, что в этой идее в зародыше содержатся основания целой новой теории переводной литературы.

Как известно, до настоящего времени переводную литературу в основном относили к литературе принимающего языка и от переводчиков требовали, чтобы их переводы становились составной частью отечественной литературы, т. е. в нашем случае русской литературы. Между тем такой подход изначально содержит в себе глубокое противоречие, поскольку произведение, написанное иностранным автором на другом языке, предлагается рассматривать как часть литературы, с которой это переводное произведение связано только языком перевода. Как утверждает Р. Р. Чайковский, переводное произведение связано с исходной литературой содержанием, а с принимающей литературой – языком [Чайковский, 1997: 46]. Но связи переводного произведения с исходной литературой намного богаче: это и авторство, и исходный язык, и национальные особенности произведения, и т. д. С принимающей литературой переводное произведение, помимо языка, фактически больше ничто не связывает, а одного языка как параметра недостаточно, чтобы считать произведение фактом литературы данного языка. Поэтому вполне логично определить место переводной литературы на стыке или в промежутке между двумя национальными литературами. Об этом же пишет и Э. Генцлер, комментируя положение известного израильского теоретика перевода Г. Тури о том, что ни один перевод не может полностью восприниматься целевой культурой, равным образом как он никогда не может полностью соответствовать исходному тексту из-за различия в целевой и принимающей культурах (см. об этом: [Gentzler: 131]). Следовательно, переводная литература вынужденно предстает определенным образом отграниченной как от исходной национальной литературы, так и от литературы языка перевода.

Естественно, что такое разграничение не умаляет роли переводной литературы в принимающей культуре, но зато позволяет определить ее подлинный статус, ее отличие от так называемой первой – исходной и от так называемой второй – принимающей литературы. Это же разграничение дает возможность, кроме того, уточнить связи переводной литературы с первой и второй, определить литературно-художественный и исторически-культурный статус переводных текстов и более четко обозначить социальную роль переводчика художественной литературы.

Первым идею об использовании текста-донора высказал еще в XVIII в. русский литератор М. И. Попов (Михайло Иванович Попов (1742–1790) – поэт и драматург, автор первой русской комической оперы «Анюта»). Работая над переводом поэмы «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, М. И. Попов недвусмысленно высказался в пользу обращения при возникновении трудностей в переводе к богатствам существующей литературы на родном языке. Вновь эта идея появляется в трудах отечественных переводоведов лишь спустя почти двести лет, и в той или иной форме она активно начинает обсуждаться с середины XX в., чему способствовало издание ежегодников «Мастерство перевода», «Тетради переводчика» и появление многих других работ известных переводчиков и переводоведов. В диссертации рассматривается, как идея текста-донора в первом приближении затрагивалась в работах М. Ваксмахера (1965), Н. Галь (1975), Н. Гребнева (1973), М. Донского (1970), И. Кашкина (1959), Ю. Левина (1968, 1985), Н. Любимова (1964, 1982), Р. Райт-Ковалевой (1965), В. Станевич (1971), П. Топера (1955), Е. Эткинда (1962) и др. Например, Н. М. Любимов подчеркивал, что «без неустанных наблюдений над языком русского народа, без неустанных наблюдений над русским литературным языком – от Ломоносова до Державина, от Крылова и Пушкина до Горького и Ивана Бунина, до А. Толстого и Пришвина, до Шолохова и Федина – мы, переводящие на русский язык, не сможем раскрыть перед читателем словесные россыпи подлинника, не сможем угнаться за его языковым разнообразием» [Любимов, 1964: 235]. Из этих слов следует, что, создавая текст на русском языке и стремясь передать своеобразие образов, оборотов речи, слов оригинала, переводчик должен постоянно соотносить его с подобными ему текстами в русской литературе соответствующей эпохи (см. также: [Морозов: 169]). Другой известный переводовед П. М. Топер также писал о необходимости освоения переводчиками языка эпохи, в которую они живут [Топер, 1955: 75]. Об этом же говорил и М. Ваксмахер, предлагая брать находки оригинальных авторов (Пушкина, Достоевского, Лескова, Толстого, Чехова) и переносить их в перевод [Ваксмахер: 25] (см. также: [Гарбовский: 102]).

Подтверждением практики использования лингвостилистических средств принимающей литературы могут служить слова М. Донского о том, что русские переводы французских комедий «подгонялись» под «Горе от ума» и писались с оглядкой на чрезвычайно популярные в те годы пьесы Грибоедова [Донской: 188].

Таким образом, можно заключить, что, опираясь на тексты русской литературы, на стиль литературы языка перевода, переводчик сможет эффективнее работать с оригиналом. Зачатки такого подхода мы обнаруживаем, например, у М. Вронченко (русский литератор первой половины XIX в.). Занимаясь редактированием своего «Гамлета» в целях устранения буквалистической тяжеловесности, М. Вронченко «ориентировался на стиль пушкинской драматургии» [Левин, 1985: 44].

Наряду с текстами-донорами, привлекаемыми из запасников литературы переводного языка, существует и другой вид донорства – опосредованное донорство. Об этом виде донорства можно говорить в тех случаях, когда в родном языке трудно найти вспомогательный материал для перевода оригинала. Тогда профессиональному переводчику на помощь могут прийти переводы данного произведения на другие языки (см.: [Суренян: 252–253], [Россельс, 1970: 294–295], [Федоров, 1964: 24], [Гинзбург: 217]).

Помимо упомянутых видов донорства, переводчик может воспользоваться и другими произведениями исходной и принимающей литературы, которые наиболее близки

переводимому тексту. В этой связи обращают на себя внимание работы И. Кашкина (1959), С. Липкина (1964), М. Рыльского (1970), А. Гитовича (1970), В. Микушевича (1971), Ю. Левина (1985), М. Новиковой (1990), отмечавших необходимость привлечения тех произведений в качестве текстов-доноров, которые позволяли бы сделать перевод ближе к оригиналу. В качестве примера приведем слова М. Рыльского, который писал: «Ища в украинской прозе языковых параллелей к Чехову, я заглянул, разумеется, в одного из лучших наших стилистов, чье имя историки литературы недаром связывают с именем Чехова, – в Коцюбинского. ...Язык Коцюбинского в большей мере, чем сильный, но растрепанный, разболтанный язык Винниченко мог быть и был ориентиром для переводчиков чеховских новелл» [Рыльский: 413]. Многие зарубежные переводоведы также касались идеи текста-донора. Например, А. Курелла (Германия) указывал на необходимость знания понятий, которые связаны с материалом и темой переводимого произведения. Переводчик, по его мнению, не может не учитывать тех произведений, которые созданы на сходную тематику в литературе языка перевода [Курелла: 418]. Кроме уже названных видов донорства, полезными могут оказаться, как пишет в одной из своих статей В. Перельмутер, и подстрочные переводы оригиналов [Перельмутер: 138].

Однако текст-донор не всегда может помочь переводчику найти единственно верный вариант перевода. Неправильный выбор донорских текстов на языке перевода, искажение исторических понятий оригинала, стиля текста может привести к негативным трансформациям оригинальной идеи в читательском восприятии. Как справедливо заметил В. К. Ланчиков, переводчик может увлечься ситуацией, и в тексте перевода станут отчетливо проступать черты идиолекта автора-ориентира: тогда стилизация обернется неприкрытым подражанием [Ланчиков: 173]. Переводчик не должен забывать о главной цели своей работы – донести до читателя именно то, что хотел сказать автор оригинала. Поэтому о донорстве можно говорить как об одном из рабочих приемов переводчика, поскольку от того, *что* именно он привлечет из отечественной литературы и из других переводов, в немалой степени зависит конечный результат перевода.

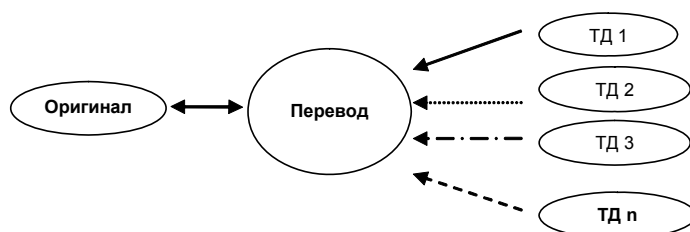
Идея использования текстов-доноров закономерно возникла по нескольким причинам. Во-первых, это обусловлено существованием мировой литературы. Мировую литературу можно представить в виде сообщающихся сосудов – своеобразной кровеносной системы, которая обогащает каждую национальную литературу, в то время как каждая национальная литература вносит свой вклад в сокровищницу литературы народов мира. Во-вторых, оригинальная литература и литература языка перевода развиваются относительно параллельно путем взаимных переводов, так или иначе обогащая друг друга. Как отмечает М. Н. Новикова, переводчик зачастую пополняет родной культурный контекст «недостающей» иноязычной и инокультурной традицией [Новикова, 1990: 62]. В-третьих, оригинальное творчество писателя и работа переводчика имеют много общего. Оба эти вида деятельности связаны со словом. Только творчество писателя – это порождение оригинального слова, а деятельность переводчика – это не только работа с этим оригинальным словом другого автора, но и работа со словом языка перевода. Л. С. Макарова отмечает, что в подобных переводческих преобразованиях наиболее явно проступает принципиальная интертекстуальность художественного перевода, т. е. учет прецедентных образцов художественной речи в принимающей культуре [Макарова: 11]. Идея опоры на прецедентные образцы находит подтверждение во многих высказываниях переводчиков. В. Е. Шор утверждал, что успеху перевода во многом может способствовать ориентация на аналогичные стилистические сферы в отечественной литературе [Шор, 1962: 473].

Выявляя характер взаимодействия национальных литератур, многие исследователи останавливаются на рассмотрении таких категорий, как подражание, влияние, интерпретация чужого опыта, отклик на литературное явление, творческое усвоение мировых достижений. Так, Н. Гребнев сравнивал переводчика с донором: «...переводя стихи, переводчик вливает в них свою кровь. В переводе гетевского стихотворения

“Горные вершины спят во мгле ночной...” чувствуется кровь Лермонтова. Могут сказать, мол, донорская кровь нужна для поддержания жизни, а Гете и его стихотворение могли бы жить и без чужой крови. Это выражение и верно и неверно: стихотворение Гете могло бы жить без донорской крови – но на немецком языке, а для того чтобы жить на русском языке и стать шедевром русской поэзии, была необходима кровь Лермонтова» [Гребнев: 291]. Слова Н. Гребнева о переводческом донорстве сродни поэтической метафоре, но для перевода как такового идея донорства может оказаться продуктивной, если рассматривать ее в контексте взаимодействия литератур – литературы исходного языка и литературы языка перевода.

Характер взаимодействия исходного текста, текста-донора и перевода можно в первом приближении очертить следующим образом: переводчик, знакомясь с оригиналом, на первом этапе работы с ним определяет его место в оригинальной литературе, т. е. выявляет культурно-исторический контекст, в котором существует произведение (эпоха, литературное направление, стиль), и произвольно или непроизвольно находит, как правило, некое соответствие данному оригиналу в литературе языка перевода (например, Гоголь – Гофман: работая над переводами Э. Т. А. Гофмана на русский язык, переводчик не может обойтись без обращения (пусть даже неосознанного) к произведениям Н. В. Гоголя. А переводчик, переводящий на немецкий язык Гоголя, всегда должен иметь под рукой гофманские тексты). Затем переводчик продолжает работу в этом направлении: он глубоко изучает оригинал и ищет в литературе языка перевода возможные решения возникающих перед ним задач. Определив окончательно содержательный контур оригинала и его лингвостилистическое своеобразие, переводчик заготавливает соответствующий эквивалентный материал на языке перевода. Прежде всего это лексический материал, который он обнаруживает в произведениях литературы своего языка на сходную тематику, в переводах аналогичных произведений с данного и других языков на язык перевода, а также в случае переводной множественности в уже существующих переводах этого произведения.

Схематически характер соотносительности оригинала, текста-донора (ТД) и перевода можно изобразить следующим образом:

Привлеченные тексты-доноры могут отличаться друг от друга большей или меньшей степенью своего воздействия на перевод (на схеме это показано различными видами стрелок).

В процессе работы над переводами вырисовывается определенное взаимодействие разномасштабных категорий, таких как: литература – литература, язык – язык, текст – текст, стиль – стиль, оригинал – перевод, автор – переводчик. Кратко рассмотрим параметры взаимодействия этих категорий.

Литература – литература: любой перевод (например, немецкого произведения на русский язык) сближает литературы посредством воссоздания исходного произведения средствами языка принимающей литературы, т. е. перевод выступает средством взаимосвязи контактирующих литератур.

Язык – язык: это соотношение также чрезвычайно важно, поскольку перевод, с одной стороны, представляет собой иноязычную интерпретацию оригинала, с другой – он

нередко дает импульс развитию новых качеств в художественной речи принимающего языка и извлекает из языка перевода скрытые в нем до этого творческие силы.

Текст – текст: при переводе текст оригинала «тянет» за собой большое количество интертекстуальных связей, которыми он связан с другими текстами исходной литературы; текст перевода восстанавливает только часть этих связей, но зато в какой-то мере обогащает оригинал интертекстуальными связями принимающей литературы.

Стиль – стиль: стиль как особое качество исходного текста, воссоздаваемое в переводном произведении, обогащает не только стилистику произведений принимающей литературы, но и представления читателя перевода о стилевых возможностях языка оригинала.

Оригинал – перевод: оригинал порождает новое произведение на языке перевода, которое выступает его своеобразным заместителем. Разумеется, что сила воздействия оригинала на это переводное произведение чрезвычайно велика, но и перевод так или иначе воздействует на оригинал, повышая его ценностный статус.

Автор – переводчик: характер взаимодействия автора оригинала и автора перевода как субъектов перевода отличается в зависимости от того, переводится ли произведение здравствующего автора или автора, завершившего свой жизненный путь. В первом случае возможны непосредственные контакты автора оригинала и автора перевода, которые широко практикуются в современном мире (ср. работу с переводчиками У. Эко [Эко, 2006: 285]). В подобных случаях автор имеет возможность не только содействовать более точной интерпретации своего произведения, но и в определенной степени влиять на характер создаваемого переводного текста.

В рамках разрабатываемой категории текста-донора в I главе рассматривается вопрос о так называемых параллельных текстах. Сегодня в ходе ускорившейся глобализации во многих жизненных сферах возникает постоянно усиливающаяся потребность в текстах, которые одновременно направлены адресатам различных языковых сообществ. Эти тексты сразу производятся как «параллельные тексты» на разных языках (подробнее об этом см.: [Übersetzen und Dolmetschen: Eine Orientierungshilfe: 107]). По мнению многих исследователей (Г. Тури, Г. Тиль, П. Кусмауль, И. Хольц-Манттари и др.), параллельные тексты – это прежде всего эффективное средство для перевода специальной литературы, поскольку они обеспечивают языковую и, соответственно, переводческую нормативность на разных языках. Основой параллельных текстов является наличие своеобразных оговоренных и принятых типов текстов для соответствующих сфер. Г. Тури, например, подчеркивает функциональное родство параллельных текстов и рассматривает их как взаимозаменяемые в разных языках. Г. Тиль отмечает такую особенность параллельных текстов, как их независимое друг от друга создание на разных языках. Перевод, как известно, всегда находится в зависимых отношениях с оригиналом, параллельные же тексты независимы друг от друга. И в этой связи совершенно логично утверждение А. Нойберта о том, что параллельные тексты не являются переводами (см.: [Wills: 158]). Параллельные тексты по своей сути являются специфическими утилитарными текстами, которые не отражают индивидуально-стилевых особенностей их авторов.

Принцип сопоставимости тематически сходных текстов был положен нами в основу сопоставления исходного текста и текстов-доноров. В то время как понятие параллельных текстов в большей степени связано с типом текста, исходный текст и тексты-доноры в сфере художественной речи такой тесной связи не обнаруживают, поскольку при переводе, например, романа полезными могут оказаться и повести, и рассказы, и документальная проза.

В связи с параллельными текстами в главе затрагивается вопрос и о прецедентных текстах, которые представляют собой корпус общеизвестных текстов в пределах определенного исторического периода. В качестве источников прецедентных текстов обычно указывают фольклор, художественную литературу, средства массовой информации и т. д.

Онтология параллельных и прецедентных текстов так или иначе соприкасается с вводимым нами понятием текста-донора, поскольку природа параллельных и прецедентных текстов содержит в себе многое из того, что может быть использовано при разработке типологии текстов-доноров. В частности, это может быть задача максимально идентичного описания соответствующих ситуаций. Так, если взять тему лагерных ситуаций, такими сферами могут быть «охрана», «наказания», «барак» и др.

В параллельных текстах проявляются характеристики, которые типичны для всех предшествующих параллельных текстов, а прецедентные тексты – это источник материала для создания последующего текста. Прецедентные тексты имеют место прежде всего в художественной литературе, в то время как параллельные тексты используются главным образом в специальной литературе. В контексте разрабатываемой в диссертации проблемы текста-донора важен тот факт, что упомянутые типы текстов (параллельные и прецедентные) являются относительно сходными текстовыми продуктами, поскольку, с одной стороны, могут возникать на базе аналогичных по структуре и содержанию текстов, а с другой – могут сами являться базой для создания новых текстов. Именно во второй части (текст – база для создания новых текстов) роль параллельных и прецедентных текстов совпадает с ролью текстов-доноров. Все произведения одного писателя можно также отнести к авторскому интертексту, все сферы которого могут учитываться при переводе отдельных произведений данного автора (т. е. как тот же самый текст-донор).

Рассматриваемые в диссертации тексты лагерной тематики на содержательном уровне представляют собой описание пребывания заключенных в лагерях, что обеспечивается наличием в этих текстах тех лексем, которые передают суть лагерной жизни. При изучении текстов, связанных с описанием лагерной жизни, можно проследить определенную типологию обозначаемых понятий как в русской, так и в немецкой литературе. Если говорить о переводе немецкой лагерной прозы на русский язык, то тексты-доноры могут быть представлены следующими жанровыми формами в их конкретной реализации:

романы: А. Солженицын «В круге первом», О. Волков «Погружение во тьму», В. Семин «Нагрудный знак “OST”» и др.;

повести: Б. Дьяков «Пережитое», К. Воробьев «Это мы, господи!..», Л. Вакуловская «Вольфрам – металл твердый» и др.;

рассказы: В. Шаламов «Колымские рассказы», Л. Разгон «Непридуманное: повесть в рассказах», Г. Нурмина «На далеком прииске: Рассказы» и др.;

хроники: Е. Гинзбург «Крутой маршрут», Н. Ним «Пассажиры» и др.;

записки: Я. Цилинский «Записки пожизненно реабилитированного», И. Губерман «Пожилые записки. Прогулки вокруг барака», А. Сандлер «Узелки на память: Записки реабилитированного», Д. Панин «Лубянка – Экибастуз. Лагерные записки» и др.;

художественные исследования: А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»;

пьесы: А. Солженицын «Республика труда. Драма в четырех действиях» и др.;

документальные повести: И. Таратин «Потерянные годы жизни», В. Янковский «Побег», Ф. Тараканов «Без вины – над пропастью: документальная повесть» и др.;

воспоминания (мемуары): А. Сандлер, М. Этлис «Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений»; «Поживши в ГУЛАГе» и др.;

письма: Д. Гачев «Колымские письма», В. Соболев «Письма с Колымы» и др.;

дневники: Ю. Соколова «Из дневника (1937–1938 годы)», Н. Луговская «Хочу жить... Из дневников школьницы: 1932–1937. По материалам следственного дела семьи Луговских» и др.;

стихи: «Поэзия узников ГУЛАГа: Антология», В. Соколов «Глоток озона. Стихи и поэмы» и др.;

научно-исследовательские материалы: «История сталинского Гулага. Конец 20-х – первая половина 1950-х годов. Сборник документов в 7 томах» / редкол. Ю. Н.

Афанасьев и др.; Бацаев И. Д., Козлов А. Г. «Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: в 2 ч.» и др.

В массиве произведений немецкой лагерной литературы можно выделить аналогичные жанровые формы:

романы: А. Seghers «Das siebte Kreuz», В. Aplitz «Nackt unter Wölfen», W. Bredel «Die Prüfung»;

повести (рассказы): К. Mundstock «Sonne in der Mitternacht», S. Hermlin «Die Kommandeuse»;

публицистические исследования: Е. Kogon «Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager»;

пьесы: Р. Weiss «Die Ermittlung»;

документальные повествования: G. Quittner «Weiter Weg nach Krasnogorsk. Schicksalbericht einer Frau»;

письма: М. Doerry «Mein verwundetes Herz. Das Leben der Lilli Jahn 1900–1944»;

воспоминания (мемуары): К. Fraedrich «Im GULAG der Frauen», Р. Epp «Ob tausend fallen...»;

дневники: R. Laqueur «Schreiben im KZ. Tagebücher 1940–1945»;

научно-исследовательская литература: G. Schwarz «Die nationalsozialistischen Lager», Н. Langbein «...nicht wie die Schläfe zur Schlachtbank».

Представленный в диссертации анализ позволяет говорить о тождественности в целом жанров текстов лагерной прозы на русском и немецком языках: вся лагерная литература может рассматриваться как один гипертекст, созданный множеством авторов и представляющий собой сообщество текстов-доноров, необходимых переводчику. Следовательно, в качестве текстов-доноров могут выступать прежде всего: а) оригинальные тексты литературы языка перевода; б) тексты переводов других произведений этой же тематики (в том числе и на другие языки); в) тексты других переводов переводимого произведения.

Таким образом, тексты-доноры при переводе с немецкого языка на русский произведений лагерной тематики делятся на: 1) произведения оригинальной литературы, посвященные немецким лагерям (Б. Апиц, В. Бредель, А. Зегерс, Э. М. Ремарк); 2) аналогичные произведения на языке перевода (Е. Гинзбург, А. Солженицын, В. Шаламов); 3) переводы произведений оригинальной литературы на язык принимающей литературы (Б. Апиц, В. Бредель, А. Зегерс); 4) уже имеющиеся переводы данного произведения на переводной язык (Б. Апиц, Э. М. Ремарк); 5) переводы этого произведения на другие языки, переводы аналогичных произведений на другие языки (перевод «Искры жизни» Э. М. Ремарка на английский язык, выполненный Дж. Стерном); 6) соответствующая историческая, документальная и иная литература по данной тематике; 7) имеющиеся подстрочные переводы оригиналов.

Вторая глава. Роман Э. М. Ремарка «Искра жизни» и тексты-доноры: возможности взаимодействия.

Э. М. Ремарк начал работу над романом «Искра жизни», посвященным последним неделям существования концентрационного лагеря Меллерн, в 1946 г. Система концентрационных лагерей фашистской Германии была в то время одной из самых запретных тем немецкого общества, стремившегося вытеснить из своего сознания позорное прошлое. До июля 1947 г. Э. М. Ремарк работал параллельно и над романом «Время жить и время умирать». Однако объем исследуемого материала о концентрационных лагерях был настолько широк, что Ремарк пришел к выводу о необходимости сконцентрироваться исключительно на романе «Искра жизни».

Написав первый вариант романа, в начале января 1948 г. он приступает к работе над новой редакцией книги. Однако опасения, что он не сможет как художник справиться с этой темой, вынуждают писателя отложить дальнейшую работу над романом. Вернувшись в Швейцарию, Ремарк возобновил и расширил контакты с пережившими

концентрационный лагерь. Увеличение объема использованного достоверного материала вновь сказывается на продолжительности работы над книгой: работа потребовала больше времени, чем первоначально предполагал автор. Первая попытка в апреле 1949 г. напечатать отрывки из будущего романа в журнале “Cosmopolitan” потерпела неудачу. Этот отказ редакции журнала явился первым препятствием на пути романа к читателю. Впоследствии роман так же трудно пробивал себе дорогу и в Германии.

В июле 1949 г. Ремарк начал переговоры со швейцарским издательством «Шерц» (Scherz) о немецком издании романа, и в июле 1951 г. издательство заключает с автором договор о публикации его новой книги. Однако этот договор из-за опасений, что публикация романа нанесет ущерб репутации издательства, был расторгнут осенью 1951 г. после продолжительной переписки и судебного разбирательства.

После этого Ремарк обращается к другому издательству, на этот раз немецкому «Кипенхойер унд Витч» (Kiepenheuer & Witsch). Владелец этого издательства, Й. К. Витч, взял на себя смелость опубликовать роман. Необходимость публикации «Искры жизни» Витч видел в том, что эта тема «затрагивает то, что многие из нас хотели бы забыть» и что «варварство происходящего» было бы увеличено до невыносимости, если бы эти события были забыты [Reue: 22].

В начале января 1952 г. в журнале «Collier's» появляется отрывок из романа в переводе на английский язык. В конце января книга выходит в американском издательстве «Эпплтон Сенчури» (Appleton Century). Необходимо отметить, что в США роман имел большой успех. Благодаря мощной рекламной кампании «Эпплтон Сенчури» книга Ремарка вскоре после своего появления заняла четвертое место в списке бестселлеров. На немецком языке «Искра жизни» появляется лишь в августе 1952 г.

Трудно было ожидать появления переводов романа «Искра жизни» на русский язык сразу после его опубликования на немецком языке по идеологическим причинам. Надежду на издание этого романа в русском варианте дала хрущевская «оттепель», и эта надежда частично оправдалась – в 1966 г. в альманахе «Кубань», выходящем в Краснодаре, роман был опубликован в сокращенном переводе К. Гончарука и В. Неклюдовой. Разумеется, сокращения коснулись именно тех фрагментов текста, в которых наиболее отчетливо выражена антикоммунистическая позиция писателя, и поэтому роман предстал перед русскими читателями в искаженном виде. Однако «оттепель» 60-х сменилась годами застоя, и отдельной книгой в Советском Союзе роман так и не вышел. Из-за малотиражности альманаха «Кубань» этот перевод оказался недоступным для широкой читательской публики. Важным представляется тот факт, что еще два переводчика, Ш. Маркиш и И. Шрайбер, в 1959 г. также работали над переводом романа «Искра жизни». Но, как вспоминает один из них, «лагерная... тема, антикоммунизм – и думать нечего, невозможно было протолкнуть эту запретную тематику» [Маркиш].

Переломным периодом освоения этого романа средствами русского языка оказалось начало 90-х гг., когда спустя сорок лет после выхода книги на языке оригинала практически одновременно появляются три перевода романа «Искра жизни»: В. Котелкина, Р. Эйвадиса и М. Рудницкого. Перевод В. Котелкина впервые вышел в августе 1992 г. в московском издательстве АО «Вита-Центр». Впоследствии этот перевод неоднократно переиздавался. Перевод Р. Эйвадиса вышел на рубеже 1992–1993 гг. в Санкт-Петербурге; в 2001 г. в другом издательстве появляется переиздание его перевода. И, наконец, перевод М. Рудницкого в 1993 г. печатает журнал «Нева», а отдельное издание перевода появляется в 2002 г. в московском издательстве «Вагриус».

В 2003 г. нами было проведено анкетирование переводчиков романа Э. М. Ремарка «Искра жизни»: основная часть вопросов касалась проблем переводческой деятельности и идеи текста-донора.

Все четыре переводчика романа отмечают косвенное воздействие русской лагерной прозы на свою творческую работу. К. Ф. Гончарук пишет, что читал А. Солженицына,

Е. Гинзбург, В. Шаламова. Р. С. Эйвадис отмечает: «Не могу сказать, что я как-то специально имел в виду другую немецкую литературу на данную тему и ее переводы на русский язык. Наверное, она, отложившись в сознании, каким-то образом влияла на мою работу». М. Л. Рудницкий также констатирует, что читал русскую лагерную прозу, перечитывал «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, «чтобы вспомнить свои ощущения от прочитанного давно». Переводчики романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» в процессе работы не только интуитивно, но и осознанно использовали лексический материал русской лагерной прозы, что объясняет выбор ими таких лексических единиц, как «параша», «доходяга», «баланда», «полосатые робы», «нары» и многих других, встречающихся в произведениях русскоязычных авторов на лагерную тематику. Кроме того, переводчики романа одобрительно относятся к факту знакомства с другими переводами в процессе переводческой деятельности.

Ответы на вопрос: «*Какие трудности у Вас вызывали реалии лагерного быта при переводе?*» – также подтверждают идею о влиянии текстов-доноров на переводческую деятельность. М. Л. Рудницкий описывает воздействие текстов-доноров на работу переводчика следующим образом: «...Касаемо реалий (каптерка, плац, барак, шмон, баланда и прочее) – я уверен, что это так и должно в переводе называться, как оно по-русски в концлагере называется». Показательный пример такого влияния отражен и в ответе Р. С. Эйвадиса. Он столкнулся с проблемой перевода жаргонизма «Eier»: «При переводе жаргонизма “Eier” в значении “деньги” пришлось искать эквивалент в довоенном русском языке – “хрусты” (с ударением на последнем слоге), ибо вся сегодняшняя аналогичная лексика – “бабки”, “башли”, “капуста” и т. д. – слишком современна для лагерного капо Хандке, немецкого уголовника времен Второй мировой войны».

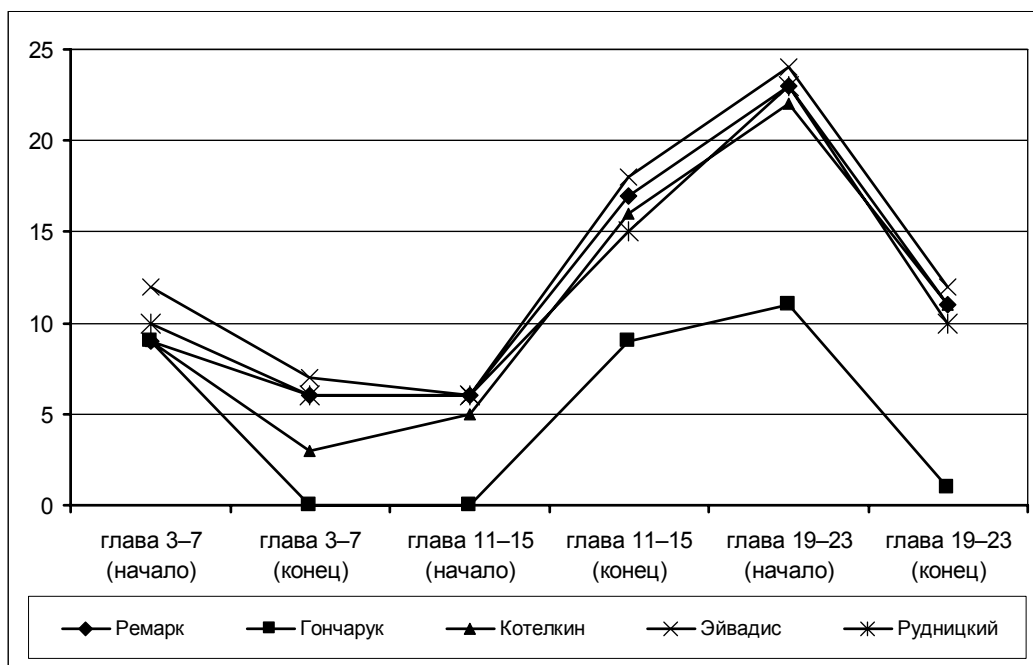
В процессе сопоставительного анализа романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» и четырех его переводов было исследовано, как различные переводчики данного романа на русский язык сумели передать лингвостилевую константу произведения и как на решение этой переводческой задачи могли оказать влияние тексты-доноры. Под лингвостилевой константой понимается доминирование в конкретном произведении определенных языковых средств, использованных в характерных для данного автора комбинациях, которые в той или иной мере отражают его языковые предпочтения, его литературные пристрастия, философию автора, а также творческие интенции во время создания произведения.

Для сопоставительного анализа синтаксиса и лексики оригинала и переводов были выбраны главы 3–7, 11–15, 19–23 (по десять предложений начала и финальной части каждой главы и соответствующие им отрывки из четырех переводов на русский язык). Выбранные отрывки носят в основном описательный характер, но некоторые из них содержат также диалоги. Очередность отрывков передает динамику развития сюжета романа. Анализу подверглись синтаксические и лексические лингвостилевые константы оригинала и переводов. Результаты проведенного синтаксического анализа сведены в матрицы по каждому отрывку отдельно.

Для того чтобы максимально точно проследить, насколько каждый переводчик отразил, например, синтактико-стилистические приемы автора оригинала, были составлены диаграммы по основным синтаксическим параметрам оригинала и переводов. Диаграммы демонстрируют изменения синтаксических параметров по каждому отрывку.

В качестве примера приведем диаграмму, отражающую использование автором прямой речи. Ремарк считается одним из мастеров диалога. Широкое употребление им прямой речи обуславливается так называемым драматическим способом изображения. Многие трагические ситуации лагерной жизни предстают в тексте в их непосредственном становлении и развитии на глазах у читателя. При этом стоит отметить, что автор-рассказчик принимает минимальное участие в развитии диалога. Динамика движения линий оригинала и переводов позволяет судить об адекватном в целом отражении

стилистического функционирования прямой речи практически всеми переводчиками. Даже перевод К. Гончарука, значительно отличающийся от оригинала количественно (как мы уже отмечали, по цензурным соображениям в переводе были опущены многие фрагменты оригинала), в целом сохраняет структуру исходного текста. Количество предложений с прямой речью к концу романа возрастает (что и отражено в переводе), поскольку именно этот способ передачи речи обуславливает драматический способ изображения происходящих событий в их непосредственном развитии.

В представленной диаграмме на оси абсцисс отложены значения, соответствующие анализируемым текстовым отрывкам по главам. На оси ординат отложены цифровые значения количества предложений, содержащих прямую речь. Из диаграммы видно, что, например, в начальной части глав 3–7 количеству предложений с прямой речью оригинала полностью соответствует количество предложений, содержащих такую же конструкцию в переводах К. Гончарука и В. Котелкина. В переводах же М. Рудницкого и Р. Эйвадиса число подобных предложений несколько больше. Однако в начальной части глав 11–15 с оригиналом в количественном отношении совпадают переводы именно М. Рудницкого и Р. Эйвадиса. Количество же подобных предложений в переводе В. Котелкина несколько меньше, чем в оригинале, а в переводе К. Гончарука они вообще отсутствуют.

Сопоставив оригинал романа «Искра жизни» и его переводы на русский язык, можно сделать вывод, что ни один из переводов не воссоздает в точности синтаксическую структуру оригинала. Не все приемы, использованные автором, находят свое отражение в русских переводах. В частности, переводчики не соблюдают авторского деления текста на абзацы. Часто создается впечатление, что переводчик начинает абзац по своему усмотрению, не считаясь с авторским замыслом. Э. М. Ремарк, работая над «Искрой жизни», придавал большое значение членению текста романа, о чем свидетельствует его переписка с издательством Kiepenheuer & Witsch: «Ich nehme an, daß alle Kapitel auf einer neuen Seite anfangen und bitte Sie sehr, alle Absätze, auch vor allem die Unter-Absätze in Kapiteln, einzuhalten, so wie sie im Manuskript stehen. Das Buch ist ziemlich gedrängt und schwer, und die Absätze sind absolut notwendig, um es aufzulockern» (цит. по: [Remarque E. M. Das unbekannte Werk ...: 149]).

При сопоставительном анализе лексики оригинала и его переводов основной упор был сделан на анализ словника, отражающего специфику пребывания человека в

концентрационном лагере. Проведенный анализ показал, что у переводчиков возникали трудности не только с адекватной передачей лексических особенностей оригинала, но и с адекватным отражением реалий лагерного быта, в условиях которого эти слова могли появиться и существовать.

Поскольку в романе отобразены события, происходящие в концентрационном лагере во время войны, то основную часть лексики можно разделить на несколько групп: военная лексика (der SS-Scharführer, ein Teil der SS-Leute, die SS-Leute, die SS-Truppe, der Sturmführer, die Kasernen der SS-Mannschaften, die Begleit-SS, Hoher Offizier, die Gestapo), лагерная лексика (das Konzentrationslager, der Strafbunker, der Bunkeraufseher, die Gefangenen, der Stacheldrahtzaun, die Latrine, das Krematorium, die Todesbaracke, das Schonungslager), а также общеупотребительная лексика (das Essen, das Bett, der Arzt) и т. д. Приведем в качестве примера фрагмент матриц (включая лексику из потенциальных текстов-доноров).

<i>E. M. Remarque</i>	<i>К. Гончарук</i>	<i>В. Котелкин</i>	<i>Р. Эйвадис</i>	<i>М. Рудницкий</i>	<i>Тексты-доноры</i>
<i>das Lagerkommando</i>	командование лагеря	лагерное командование	руководство лагеря	администрация лагеря	лагерная администрация, лагерное руководство, руководство лагеря
<i>die Latrinenparole</i>	–	слухи	бабские сплетни	парашные байки	параша, парашная байка, слухи, утка
<i>das Bett</i>	нары	кровать	койка	лежак	нары, вагонки, юрцы
<i>die dünne Suppe</i>	–	пустой суп	баланда	пустая баланда	баланда, бурда
<i>der Stubenälteste</i>	–	старшие по помещениям	староста секций	палатные старосты	староста барака, барачный староста, старший по бараку, дежурный, дневальный
<i>die Skelette, das Gerippe</i>	скелеты	–	скелеты, поносник	доходяги, скелет	доходяга, поносник, скелет, фитиль, дистрофик
<i>die gestreiften Anzüge</i>	полосатые одежды	полосатые одеяния	полосатые костюмы	полосатые робы	полосатые одежды, полосатая роба, форма зебры
<i>Gefangene, Häftlinge</i>	заключенные	узники	зэки	заключенные	зэки, заключенные, Захар Кузьмич, з/к, зеки, зэка
<i>der Bunker</i>	карцер	бункер	изолятор	бункер	карцер, пердильник, холодная,

					изолятор, бункер, собачник, кондей
<i>politische Häftlinge</i>	политзаключенные	политически заключенные	политические ээки	политически заключенные	политзаключенные, политические ээки
<i>das Konzentrationslager</i>	концентрационный лагерь	концлагерь	концентрационный лагерь	концентрационный лагерь	концлагерь, концентрационный лагерь, лагпункт
<i>das Hospital, das Lazarett</i>	госпиталь	госпиталь, лазарет	лазарет, больничка	лазарет	больничка, лазарет, санчасть, медсанчасть, больничный барак
<i>der Appel</i>	проверка	перекличка	перекличка, поверка	перекличка	перекличка, поверка, развод
<i>die Lagerregel</i>	–	лагерное правило	лагерное правило	лагерная привычка	лагерная привычка, лагерное правило
<i>die gewöhnlichen Verbrecher</i>	–	уголовные преступники	уголовники обыкновенные	преступники	уголовники, зеленые, уголовные преступники, урки
<i>die Zivilisten</i>	гражданские	гражданские	вольняшки	штатские	вольняшки, гражданские, штатские, вольные
<i>die Transporte</i>	–	новый транспорт	новый эшелон	пополнение	этап, транспорт, пополнение, эшелон
<i>das Essen</i>	еда	еда	жратва	еда	жратва, еда, кормежка, шамовка
<i>die Aufseher</i>	–	надзиратели	надсмотрщики	охранники	надзиратель, вертухай, охранник, попка
<i>die SS-Leute, die SS</i>	эсэсовцы	эсэсовцы	люди из СС, эсэсовцы, СС	эсэсовцы, СС	эсэсовцы
<i>die Kaserne</i>	казарма	казарма	казарма	казарма	казарма

Трудность перевода лагерных реалий объясняется, с одной стороны, сложностью понимания их смыслового содержания на языке подлинника, с другой – сложностью

выражения их значения лексическими средствами языка перевода. Разница в объеме понятий языка оригинала и принимающего языка может затруднить достижение полной семантической и стилистической эквивалентности оригинала и перевода. В большинстве своем переводная лексика В. Котелкина носит нейтральный характер, что, на наш взгляд, мешает адекватной передаче психологической канвы оригинала. В других переводах выбор переводчиками того или иного лексического эквивалента зачастую оказывается вполне обоснованным. Так, К. Гончарук единственный, кто берет слово *Tanzboden* («танцевальная площадка») в кавычки (передавая тем самым ироничный смысл высказывания). В контексте произведения это слово обозначает то место, где эсэсовцы издевались над заключенными, и вовсе не обозначает место для увеселений. В переводе М. Рудницкого использовано наибольшее количество экспрессивной лексики (арестантские робы, сортир, парашные байки, баланда, нары и т. д.), которая в точности передает атмосферу лагеря.

К сожалению, все переводы с точки зрения лексической эквивалентности не достигают уровня требуемой адекватности, поскольку в переводах Р. Эйвадаса и М. Рудницкого доля покрытия лексем исходного текста их прямыми соответствиями составляет 76% и 61% соответственно, в то время как в переводе В. Котелкина содержится значительное количество лексических ошибок, необоснованных добавлений и т. д. (справедливости ради заметим, что часть ошибок в последнем издании переводчиком устранена). Низкая степень адекватности перевода К. Гончарука и В. Неклюдовой обусловлена преимущественно цензурными требованиями.

Сравнив приведенные в диссертации фрагменты матриц, можно предположить, что при описании лагерной жизни существует определенная типология обозначаемых понятий как в русской, так и в немецкой литературе. В работе мы попытались выяснить, воспользовались ли русские переводчики Ремарка текстами-донорами. Если сопоставить выборку из произведений русской лагерной литературы и переводов романа Э. М. Ремарка «Искра жизни», то мы увидим, что и авторы русской лагерной прозы, и переводчики романа Ремарка употребляют одинаковые лексемы (например: зона, лагерь, часовые, вышки, колючая проволока, охрана и т. п.). Сопоставив таким же образом отрывки из произведений немецкой лагерной литературы и романа «Искра жизни», мы получим определенный набор слов, употребляемых немецкими авторами (например: *das Lager*, *das Maschienengewehr*, *die Wachtürme*, *der Stacheldraht*, *der Appellplatz*, *die Baracke* и т. п.). Следовательно, на основе рассмотренного материала мы в известной мере можем говорить о некоем «лагерном» гипертексте, строящемся на определенном наборе лексики. На наш взгляд, вся лагерная литература – это один гипертекст, созданный множеством авторов и представляющий собой сообщество текстов-доноров, необходимых для переводчика.

Роман Э. М. Ремарка «Искра жизни» вошел в контекст произведений лагерной литературы, которые были созданы как до него, так и после него. Оказавшись переведенным на русский язык, роман «Искра жизни» вошел и в контекст русской лагерной прозы.

В ходе выполнения диссертационного исследования получены следующие основные результаты:

1. Уточнена роль переводной литературы в дихотомии «литература языка оригинала – литература языка перевода». Переводная литература – это особая ветвь мировой литературы, не входящая ни в исходную литературу, ни в принимающую литературу. Онтологический статус переводной литературы – это статус литературы посреднической, занимающей в пространстве мировой литературы промежуточное положение между литературой исходного языка и литературой языка перевода.

2. Введено в научный оборот понятие «текста-донора». Текст-донор определен как текст или совокупность текстов близкой тематики (гипертекст), которые могут послужить

для переводчика источником решения задач, возникающих при работе с соответствующим оригиналом.

Идея текста-донора, зародившаяся в отечественной филологии более двух столетий тому назад, в XX в. получила признание как среди переводоведов, так и среди практиков художественного перевода, что закономерно потребовало ее теоретического обоснования и отграничения понятия «текст-донор» от понятий «параллельный текст», «прецедентный текст».

3. Разработана типология текстов-доноров. В качестве текстов-доноров могут выступать прежде всего: а) оригинальные тексты литературы языка перевода; б) тексты переводов других произведений этой же тематики на язык принимающей литературы; в) тексты переводов произведений аналогичной тематики на другие языки; г) тексты других переводов переводимого произведения; д) подстрочные переводы.

4. Выявлены различные формы связи, которые могут возникать и существовать между переводоведческими категориями. К основным типам связи между оригиналом, переводом и текстами-донорами относятся: а) генерирующее воздействие оригинала на перевод; б) коррелирующие связи между оригиналом и произведениями принимающей литературы; в) соотношение между переводами данного оригинала и переводами других произведений данной тематики; г) взаимосвязь между данным переводом оригинала и уже существующими переводами этого произведения; д) взаимоотношение между переводом оригинала на данный язык и на другие языки; е) разнонаправленная взаимосвязь между переводом и оригиналом.

5. В контексте идеи текста-донора проведен сопоставительный анализ оригинала романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» и четырех переводов этого произведения на русский язык и определена степень адекватности конкурирующих переводов оригиналу. При сопоставительном анализе лексического уровня оригинала и переводов нами был сделан акцент на проблеме отражения лингвостилистической константы оригинала, ядро которой составляет лагерная лексика. В этом отношении наиболее адекватными представляются переводы М. Л. Рудницкого и Р. С. Эйвадаса.

6. Представлены результаты анкетирования переводчиков романа «Искра жизни». Анализ ответов респондентов, с одной стороны, определил различия в их концептуальных переводческих установках, но с другой – подтвердил нашу идею о влиянии текстов-доноров на переводческую деятельность.

Можно утверждать, что по отношению к исследованным нами переводам романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» в контексте русской лагерной литературы сложился текст-донор, своеобразный лагерный гипертекст, представленный произведениями художественной литературы (в частности, произведениями А. Солженицына «В круге первом», О. Волкова «Погружение во тьму», Е. Гинзбург «Крутой маршрут», В. Шаламова «Колымские рассказы»), произведениями документальной литературы («История сталинского ГУлага. Конец 20-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах» / редкол. Ю. Н. Афанасьев и др.; Бацаев И. Д., Козлов А. Г. «Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ НКВД СССР в цифрах и документах: в 2-х ч.»), мемуарными книгами («Поживши в ГУЛАГе») и др.

Рассмотренными в диссертации проблемами изучение категории текста-донора не исчерпывается. Представляется перспективной разработка категорий текста-донора как одного из критериев более объективной оценки существующих и вновь создаваемых переводов. Проведенное в диссертации исследование может также найти свое продолжение в научном обосновании принципов составления русско-немецких соответствий (русско-немецкого словаря) лагерной лексики 20-50-х гг. XX в..

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах ВАК

1. О взаимосвязи оригинала, текста-донора и перевода // Вест. Поморского ун-та: Науч. журн. Вып. 6. Сер. Гуманит. и социал. науки. – Архангельск: ГУП, 2007. – С. 139–142.

Статьи, материалы конференций и семинаров, тезисы докладов

2. К истории переводов романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» на русский язык // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. эссе к VIII науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та. – Магадан : Кордис, 2001. – Вып. VIII. – С. 39–41.
3. Отечественные переводоведы об идее текста-донора // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. эссе к IX науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та. – Магадан : Кордис, 2002. – Вып. IX. – С. 35–39.
4. К проблеме текста-донора при переводе // Языковые и культурные контакты различных народов : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. Ч. 2. – Пенза: ПДЗ, 2002. – С. 3–5.
5. Ключевые слова оригинала и их соответствия в переводе // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. эссе к X науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та. – Магадан : Кордис, 2003. – Вып. X. – С. 40–46.
6. Роман Э. М. Ремарка «Искра жизни»: путь к читателю // Э. М. Ремарк и лагерная литература : сб. ст. – Магадан : Кордис, 2003. – С. 9–18.
7. Оригинал, текст-донор и перевод: проблемы взаимодействия // Вопросы теории и практики перевода : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. – Пенза: ПДЗ, 2003. – С. 111–113.
8. Параллельные тексты vs тексты-доноры // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. эссе к XI науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та. – Магадан : Кордис, 2004. – Вып. XI. – С. 35–39.
9. Лингвостилистические параметры романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. эссе к XII науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та. – Магадан : Кордис, 2005. – Вып. XII. – С. 30–34.
10. Роман Э. М. Ремарка «Искра жизни» в контексте текстов-доноров // Перевод и переводчики : науч. альманах каф. нем. яз. Сев. междунар. ун-та (г. Магадан). Вып. 5: Лагерная литература. – Магадан : Кордис, 2005. – С. 24–36.
11. Переводчики романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» о своем труде // Перевод и переводчики : науч. альманах каф. нем. яз. Сев. междунар. ун-та (г. Магадан). Вып. 5: Лагерная литература. – Магадан : Кордис, 2005. – С. 61–70.
12. Роман Э. М. Ремарка «Искра жизни» в оценке критики (избранная библиография) // Перевод и переводчики : науч. альманах каф. нем. яз. Сев. междунар. ун-та (г. Магадан). Вып. 5: Лагерная литература. – Магадан : Кордис, 2005. – С. 106–117.
13. К типологии текстов-доноров // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. эссе к XIII науч. конф. аспирантов и молодых исследователей Сев. междунар. ун-та. – Магадан : Кордис, 2006. – Вып. XIII. – С. 27–31.
14. Текст-донор как посредник в диалоге литератур // Диалог культур – культура диалога : материалы междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 3–7 сент. 2007 г. / отв. ред. Л. Н. Ваулина. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – С. 247–251.

НАРБУТ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Оригинал, текст-донор, перевод:

проблемы взаимодействия

(на материале романа Э. М. Ремарка «Искра жизни» и его переводов на русский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Подписано к печати 15.03.2008 г. Формат 60x84/16. Бум. Ballet. Гарнитура Time Roman.

Печать ризография. Усл. печ. л. 1, 6. Уч.-изд. л.1,4. Тираж 100. Заказ 3.

Сверстано и отпечатано в ООО «Кордис», Магадан, ул. Пролетарская, 12